

ЧАСТЬ 1

С. А. Караганов

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РОССИЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА¹

Мир фантастически быстро и опасно изменяется. Россия должна найти в нем ведущее место и через экономическое восстановление, играя ключевую роль в предотвращении новой глобальной войны, в поддержке международной стратегической стабильности, в строительстве новых структур международного сотрудничества и безопасности.

Глобальные тенденции

Уровень развития экономики по-прежнему является ведущим показателем силы и влияния государств в мире. Эта тенденция усилилась в последние десятилетия из-за демократизации мира — почти повсеместного усиления влияния масс на политику своих государств. А первое требование масс — благосостояние. Тенденция получила импульс в последнее время из-за того, что две ведущие страны мира — США и Китай — делают ставку на экономические факторы силы. США — из-за доказанной в прошлое десятилетие неспособности в современном мире перевести американскую военную силу в политическое влияние. Китай — из-за относительной слабости других факторов силы и из-за культуры, в основном не предполагающей силовой экспансии, опоры на «жесткую силу».

Экономическое соревнование может обостриться и повысить свое значение в мировой конкуренции из-за, видимо, начинающихся в мире смены технологического уклада, новой волны роботизации, почти революционных изменений в медицине, образовании, энергетической сфере.

¹ Текст основан на проекте тезисов по новой российской внешней политике, подготовленных автором для обсуждения на Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике 9–10 апреля 2016 г. Совет по внешней и оборонной политике (СВОП) — неправительственная общественная организация, основанная в 1992 г. С. А. Караганов — один из основателей СВОП, председатель Президиума, с декабря 2012 г. — почетный председатель Президиума СВОП.

Новая технологическая революция, скорее всего, усугубит и обострит еще одну кардинальную тенденцию современного развития — рост непредсказуемости, сверхбыстрое перераспределение сил и повышение благодаря этому потенциала конфликтности в мире. На этот раз возможно за счет нового перераспределения мирового ВВП в сторону от производителей энергоносителей и сырья, дальнейшего вытеснения массовых профессий из индустрий теперь уже и в развивающемся мире, усиления тенденции к росту неравенства внутри стран и между ними¹.

Неизвестно, приведет ли и когда новая технологическая революция к возобновлению устойчивого экономического роста. Пока же и на обозримую перспективу стоит ожидать замедления мирового экономического развития, вероятно, нового кризиса по-прежнему неустойчивой международной финансовой системы, даже новых экономических кризисов.

Старый Запад будет развиваться медленнее многих ведущих стран незапада². Но взрывное перераспределение сил последних пятнадцати лет, скорее всего, замедлится. А конкуренция между ними и внутри них, по всей видимости, обострится и из-за общего замедления и из-за накопленных диспропорций. Новые страны будут в дальнейшем требовать более адекватного их новому уровню развития положения в мировой системе.

Это замедление наряду с технологическими изменениями, «позеленением» мышления большинства человечества ведет к новому относительному падению спроса на традиционные энергоносители, многие виды сырья и металлов. При этом вероятно продолжение роста спроса на продовольствие и другие водоемкие товары³.

Начался процесс быстрого переформатирования — если не разрушения — системы глобального экономического регулирования, глобализации, созданной в основном Западом после Второй мировой войны. Увидев, что глобализация начинает давать равные или большие преимущества поднимающимся конкурентам, старый Запад стал отходить от нее. Дegradiрует система ВТО в пользу множющихся двух- и многосторонних торгово-экономических соглашений. Систему МВФ — Мирового банка — теснят региональные банки. Медленно начинается замена доминирования доллара. Множатся альтернативные платежные

¹ Подробнее о вызовах новой технологической революции см.: *Ионин А.Г.* Технологический альянс вместо Североатлантического // Россия в глобальной политике. 2015. № 3; *Кузнецов Е.Б.* Россия и мир технологического диктата // Россия в глобальной политике. 2016. № 2.

² Более подробно о подъеме незападного мира см.: *Zakaria F.* The Post-American World. Release 2.0. N.Y., 2011.

³ Подробнее о динамике спроса на энергоносители см.: Перестройка мировых энергетических рынков: возможности и вызовы для России / под ред. С.В. Жукова. М., 2015; Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 г. Институт энергетических исследований РАН. Аналитический центр при правительстве РФ. 2013; World Energy Outlook: Executive Summary. Paris, 2015. URL: <https://www.iea.org/Textbase/npsum/WEO2015SUM.pdf>

системы. Почти повсеместный провал политики «вашингтонского консенсуса» (которому с предсказуемыми результатами пыталась и частично даже пытается продолжать следовать Россия) подорвал моральную легитимность прежних правил и институтов.

Взаимозависимость, глобализация, еще недавно считавшиеся преимущественно благом, все чаще выглядят фактором уязвимости. Особенно когда страны, создавшие нынешнюю систему и имеющие в ней все еще ведущие позиции, увидев, что они теряют их, стали использовать их для сиюминутной выгоды или в попытке удержать эти позиции через санкции, внеграницное применение своего внутреннего законодательства, а также для создания помех для взаимозависимости там, где она им представляется невыгодной. (Пример: продолжающиеся уже много десятилетий усилия по предотвращению, а потом ослаблению позитивной взаимозависимости между СССР/Россией и Европой в области торговли газом и порождаемым ей встречным потоком товаров и услуг.) Нарастают признаки того, что создатели либерального мирового экономического порядка частично *де факто* пошли против него. Что еще острее ставит вопрос о соотношении необходимой открытости мировому рынку и защиты от него¹.

Развитый мир будет менять свою конфигурацию. В него кто раньше, кто позже вольются регионы и страны прежнего развивающегося мира, прежде всего Китай, часть стран АСЕАН, Тайвань, Индия. Часть прошлого развитого мира начнет отставать. Такая участь угрожает странам юга и востока Европы, в том числе и России, если она не изменит коренным образом свою экономическую политику. Разделение все больше идет не по разлому «развитый — неразвитый», а «старый» Запад и «новый» Незапад».

Мощная тенденция, влияющая на рост конфликтности в современном и будущем мире, — структурная, культурно обусловленная, на многие десятилетия дестабилизация Ближнего и Среднего Востока, части Африки, других регионов, рост исламского экстремизма, терроризма, массовых миграций. Последствия демографической революции, усугубленные ошибками политики колониального и постколониального периодов, последними интервенциями, «восстанием» бедного и относительно беднеющего мира против мира богатого, серьезно угрожают стабильности, социальным и политическим структурам практически всех стран мира².

¹ Подробнее о тенденциях политизации мировой экономики и ее частичной деглобализации см.: *Портанский А.* Мегарегиональный вызов // Россия в глобальной политике. 2016. № 1; *Leonard M.* Connectivity Wars: Why Migration, Finance and Trade are the Geo-Economic Battlegrounds of the Future / ed. M. Leonard. L., 2016. URL: http://www.ecfr.eu/page/-/Connectivity_Wars.pdf

² Подробнее о причинах ситуации на Ближнем Востоке см.: *Мирский Г.И.* Исламистское безумие, российские страсти и прочие напасти. СПб., 2015; *Примаков Е.М.* Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., 2012; *Наумкин В.В. и др.* Ближний Восток: от конфликтов к стабильности. Материал для обсуждения на Ближневосточном диалоге Международного дискуссионного клуба «Валдай», Москва, 25–26 февраля 2016. URL: <http://valdaiclub.com/upload/iblock/48e/48efb6e02a75d39cc502e6214c98d541.pdf>

Основные тенденции экономического и технологического развития мира усиливают неравенство внутри стран и между ними. Даже внутри относительно богатых стран образуется все больше отстающее большинство, сокращается «средний класс». Часть стран и народов обречена в обозримом периоде на нарастающее отставание. Это мощный источник роста внутривострановой и международной напряженности, усиления радикальных сил и склонности к радикальной политике¹.

Одной из коренных тенденций начала XXI в. стала реакция старого Запада на резкое ослабление его позиций — военно-политических (из-за Афганистана, Ирака, Ливии) и экономических (после кризиса 2008–2009 гг.). Ослабление оказалось особенно болезненным после, как казалось, окончательной и блистательной «победы» к началу 2000-х гг.²

Последствия этого удара не преодолены, особенно в Европе, где развивается структурный кризис европроекта (о нем см. ниже). Резкое ослабление привело к попытке консолидации и даже реванша перед лицом поднимающегося Незапада. Именно в этом один из главных корней и истоков противостояния вокруг Украины, политики санкций, беспрецедентного со времен ранней холодной войны и часто за гранью фолла политического и информационного давления на Россию. В ней видят символ этого Незапада и пытаются нанести поражение в гораздо более широкой, чем просто российско-западное противостояние, игре за позиции в мире, за поворот вспять усиления политических, моральных позиций новых лидеров.

По-видимому, если десятилетие тому назад лозунгом мировой политики было «управление подъемом новых», то в ближайшие годы таким лозунгом может стать «управление ослаблением старых».

Несмотря на продолжающееся преобладание экономических и научно-технических факторов, определяющих международную повестку дня, вес и влияние государств, в последние годы эти факторы стала теснить политика, в том числе политика силовая. Причин немало. Ключевые — повышение нестабильности и турбулентности в мире; возвращение национальных государств на место главных игроков мировой политики и экономики вместо предсказывавшегося господства международных институтов, ТНК или НКО — «ренициализация» международных отношений. Сыграл роль и подъем Азии — континента национальных государств. А государства, особенно новые, действуют, как правило, по старым правилам. Стремятся обеспечить, прежде всего, свою безопасность и суверенитет³.

¹ Подробнее о неравенстве в современном мире см.: *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М., 2015.

² Более подробно см.: *Kupchan Ch.* The Decline of the West: Why America Must Prepare for the End of Dominance // The Atlantic. 20.03.2012; *Layne C.* The End of Pax Americana: How Western Decline Became Inevitable // The Atlantic. 26.04.2012.

³ Подробнее о тенденциях мирового развития см.: *Суслов Д.В.* Регионализация и хаос во взаимозависимом мире: глобальный контекст к началу 2016 г. // Россия в глобальной политике. 29.01.2016; *Lukyanov F., Krastev I.* New Rules or No Rules? Valdai Discussion Club Report. 13.03.2015.

Возвращению государства на центральные позиции в мировой системе содействует и увеличение числа нерешаемых традиционных глобальных проблем при параллельно нарастающей неспособности старых институтов международного управления справиться с ними. Возвращение к идее мира, управляемого, в первую очередь, международными институтами, вряд ли возможно, по крайней мере в ближайшие два десятилетия.

Увеличение значения фактора военной силы в международных отношениях ограничено. На верхнем, глобальном уровне — между великими державами сила почти неприменима. Работает ядерный фактор. Изменение менталитета и ценностей большинства человечества, информационная открытость сегодняшнего мира, опасения эскалации конфликтов на ядерный уровень препятствуют массированному применению военной силы «на среднем уровне». А когда она применяется, чаще всего приводит к политическому поражению (опять же Афганистан, Ирак, Ливия). Хотя есть и обратные примеры — Россия в Чечне и Грузии. Поэтому применение силы опускается на более низкие уровни — дестабилизации, провоцирования и урегулирования гражданских войн и субрегиональных конфликтов.

Возможно, роль военной силы в международной политике будет возрастать из-за долговременной дестабилизации Ближнего и Среднего Востока. И в любом случае — из-за повышения динамики и непредсказуемости международных отношений, сверхбыстрого и разнонаправленного изменения соотношения сил в мире, между регионами и внутри них¹.

Этой тенденции содействует разрушение и раньше не всегда эффективно действенного международного права, особенно в 1990-е и 2000-е гг.: зверская бомбардировка Югославии, отторжение Косово, агрессии против Ирака, Ливии. Россия, несмотря на сильную легалистскую традицию в своей внешней политике, ответила — в Закавказье, Украине. Неясно, возможно ли возвращение к «игре по правилам», к «концерту наций» или мир погружается в традиционный хаос «вестфальской» системы» или даже «предвестфальского периода», но уже на глобальном уровне.

Но в любом случае роль военной силы вкупе с ответственной и умелой дипломатией выходит на первый план как фактор поддержания относительного международного мира и предотвращения эскалации накопившихся структурных экономических и политических противоречий к глобальной войне. Следовательно, растет ответственность, роль и влияние стран, способных предотвращать скольжение к такой войне и эскалации конфликтов. В том числе и в первую очередь — России. Эта роль тем более важна, что уже восемь-девять лет из-за накопленных противоречий и дисбалансов, не откомпенсированных

¹ Подробнее о военной силе в меняющемся мире см.: *Караганов С.А.* Зачем военная сила? // *Лики Силы: Интеллектуальная элита России и мира о главном вопросе мировой политики* / под ред. С.А. Караганова и Т.В. Бордачева. М., 2013; *Барабанов О.Н.* Война и мир XXI века. Международная стабильность и баланс нового типа: Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: valdaiclub.com/files/9636/

адекватной политикой и институтами, мир находится в предвоенном состоянии. По мере ухода памяти о страшном XX в. ослабевает страх перед большой войной. Налицо даже подспудное стремление части мировых элит к ней, чтобы разрешить копящиеся и нерешаемые адекватной политикой противоречия.

Масштабные войны или даже новую мировую войну пока предотвращает главный среди структурных факторов, уже семьдесят лет определяющих развитие мира, — наличие ядерного оружия, особенно сверхкрупных арсеналов у России и США. Они не только предотвратили деградацию холодной войны в мировую в прошлом. Вряд ли старый мир допустил бы без отрезвляющей роли угрозы ядерного Армагеддона взрывной рост влияния новых стран, в первую очередь Китая, Индии¹.

Мир видел, что произошло, когда жесткое ядерное сдерживание (deterrence) ушло на несколько лет из-за слабости России в 1990-х гг. НАТО напала на беззащитную демократическую Югославию и бомбила ее 78 дней. Под выдуманными предложениями была развязана война против Ирака, унесшая сотни тысяч жизней.

Первостепенной задачей становится недопущение новой большой войны в результате ошибки, эскалации напряженности, какого-либо конфликта или провокации. При этом вероятность таких провокаций множится. Особенно на Ближнем Востоке.

В дополнение к возвращению силовой политики начался быстрый процесс «силовизации» экономических отношений. Не имея возможности из-за ядерного фактора или не желая прибегать к использованию военной силы, страны и группы стран все чаще прибегают к использованию возросшей экономической взаимозависимости и открытости в национальных целях. Экономическая сфера на глазах делиберализируется, становится оружием в геополитической борьбе. В первую очередь — это политика санкций, ограничения доступа к финансам, попытки доминировать в определении технических и санитарных стандартов, манипулирование платежными системами, трансграничное распространение национальных правил и законов². Чаще всего к таким мерам прибегают США. Но в растущей степени — не только они. Можно предположить, что распространение этой практики будет еще больше подрывать старую глобализацию, будет требовать ренационализации или регионализации многих экономических режимов, сфера безопасности будет и дальше экономизироваться, а конкуренция — становиться бесшовной и тотальной.

¹ Подробнее о роли ядерных вооружений см.: *Karaganov S. Nuclear Weapons in the Modern World // Nuclear Disarmament and Nonproliferation: a report to the Trilateral Commission. Washington (DC), 2010; Thränert O. A Nuclear World out of (Arms) Control // Strategic Trends 2016: Key Developments in Global Affairs / ed. O. Thränert and M. Zapfe. Zurich, 2016; Каргаганов С.А. О новом ядерном мире // Россия в глобальной политике. 2017. № 2; Karaganov S. Taking a New Look at Nuclear Peace // Russia in Global Affairs. 2017. № 2.*

² Подробнее об экономической силе как оружии см.: *Иванов А.Ю., Молодыко К. Санкции и мироустройство // Россия в глобальной политике. 2015. № 5; Blackwill R., Harris J. War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft. Cambridge (MA), 2016.*

На место жесткой двухполярности (которой почти не было, была трехполярность, когда СССР должен был противостоять Западу и Китаю на Востоке), а затем краткого «однополярного момента» мир, возможно, движется через многополярность к новой (мягкой) двухполярности. США через оставшиеся военно-политические союзы, пока неудавшиеся ТПП, ТТИП, двусторонние отношения пытаются консолидировать вокруг себя старый Запад, перетянуть часть новых развитых стран. Одновременно условно вокруг ШОС будет, весьма вероятно, формироваться другой центр — Большая Евразия, ведущую экономическую роль в котором может играть Китай, но чье превосходство, будем надеяться, будет уравниваться другими мощными партнерами — Россией, Индией, Ираном¹.

Пока неочевидно будущее место Европы в новой конфигурации мира. Вряд ли она сможет играть роль самостоятельного центра. Возможно, за нее развернется и уже развернулась борьба.

Если нынешняя хаотическая и неустойчивая многополярность будет смениться двухполярностью, важно избежать создания нового раскола, особенно военно-политического, нового тура структурного военного соперничества.

В любом случае быстрые изменения с открытым результатом, чреватые деградацией к конфронтации, требуют ответственной и конструктивной, нацеленной в будущее политики великих держав. Сейчас это «треугольник» — Россия, Китай, США². В перспективе — в первую очередь Индия, а также Япония, возможно, Германия, Франция, если Европа сможет отказаться от самоубийственной для ее влияния «общей внешней политики», Бразилия, Великобритания, ЮАР, Южная Корея, Египет. Пока, к сожалению, в «треугольнике» только отношения Россия — Китай отвечают потребностям нового мира. Но и им еще не хватает стратегической глубины и глобального охвата³. Перспективы нового «концерта держав» для XXI в. еще только просматриваются. G-20 полезна, но не может заполнять геостратегические вакуумы, нацелена на регулирование сегодняшних проблем, но не на работу по упреждению будущих. G-7 — во многом организация из прошлого.

¹ Подробнее о тенденции по формированию новой двухполярности см.: *Караганов С.А.* Контуры перемен // Россия в глобальной политике. 2016. № 2; *Суслов Д.В.* Регионализация...; *Morin J.F., Novotná T., Ponjaert F.M.* The Politics of Transatlantic Trade Negotiations: TTIP in a Globalized World. N.Y., 2016.

² Более подробно о роли великих держав см.: *Smith M.* Power in the Changing Global Order: The US, Russia and China. Cambridge, 2012.

³ Подробнее о российско-китайских отношениях на современном этапе см.: *Лузянин С.Г.* Российско-китайский диалог: модель 2015: Доклад Российского совета по международным делам № 18. М., 2015. URL: http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_Russia_China_Report.pdf; *Лукин А.В.* Возвышающийся Китай и будущее России. Работы о Китае и российско-китайских отношениях. М., 2015; *Петровский В.Е. и др.* Проблемы развития российско-китайских торгово-экономических, финансовых и приграничных отношений. Рабочая тетрадь Российского совета по международным делам № 20. М., 2015. URL: http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_WP_20_Russia-China.pdf

В мировой политике нарастает влияние информационного и идеологического факторов. И из-за технологических изменений, ведущих к взрывному росту количества обрушивающейся на людей информации, и из-за демократизации большинства стран, делающих сиюминутную борьбу за настроения людей относительно более важной, и из-за ухода доминирующих идеологий, и, возможно, из-за изменения под влиянием информационной революции психологии больших масс людей, в том числе значительной части политических лидеров, склонных все больше реагировать на последние информационные раздражители, к отказу от стратегического мышления и политики, к упрощению картины мира. Информатизации, идеологизации международных, в том числе внешнеполитических, процессов содействует и политика Запада, слабеющего в реальном мире, но сохраняющего ведущие позиции в мировых СМИ и все активнее использующего их для предложения и навязывания выгодных ему представлений.

Новый и относительно неожиданный фактор развития — реидеологизация международных отношений 15 лет тому назад многим казалось, что мир пришел к единой идеологии либеральной демократии. Но провалившиеся попытки навязать ее силой, «ускорить историю», вскрывшиеся проблемы с самой современной демократией, тайные тюрьмы ЦРУ, разоблачения Ассанжа и Сноудена, вставший вопрос об эффективности развития стран демократического мира и одновременно относительный успех стран авторитарного капитализма или лидерских нелиберальных демократий вернул в повестку дня вопрос о том, кто побеждает и за кем следовать. В США и еще больше у части европейцев, теряющих позиции, усилился оборонительный демократический мессианиззм. Ему все более противостоит идеология нового консерватизма, национализма, суверенитета, лидерской демократии¹.

Идейно-информационная сфера крайне подвижна, переменчива, играет важнейшую роль в каждодневной политике. Но при этом влияние ее преходяще, что ставит перед всеми странами, в том числе перед Россией, двуединую задачу: активно воздействовать на нее и через нее на мир и собственное население; но и не стать заложником в реальной политике информационных сквозняков и бурь. А именно она по-прежнему определяет влияние государств, их способность проводить свои интересы.

В последние годы проявился ряд позитивных тенденций, позволяющих сохранять надежду на превалирование сотрудничества над соперничеством в будущем мире. Между Россией и Китаем выстраиваются доверительные и дружеские отношения, необычные для великих держав (вне Европы последних пятидесяти лет). Такие же отношения начинают создаваться между Россией и Индией. Решена проблема химического оружия в Сирии и ядерной програм-

¹ Подробнее о новом демократическом мессианизме, или «идеократии» см.: *Лукин А. В.* Новая международная идеократия и Россия // Сравнительная политика и геополитика. 2016. № 1 (22). Об обострении идейного соревнования см.: *Караганов С. А.* Новая идеологическая борьба? // Известия. 2016. 21 апреля.

мы Ирана. На Парижском саммите по климату достигнута потенциально историческая договоренность в первую очередь благодаря взаимодействию Китая и США, ранее препятствовавших таким соглашениям. В США на выборах проиграла коалиция либеральных интервенционистов и неоконсерваторов, которые должны были бы тянуть мир назад. Хотя непонятно, сможет ли Д. Трамп претворить в жизнь провозглашенные лозунги.

Региональные тенденции

Будет продолжаться, хотя и с замедлением по сравнению с предыдущим десятилетием, сдвиг центра мировой экономики и политики в Восточную и Южную Азию. Регион становится не только производственным, но все больше — научно-техническим лидером, занимает ведущие позиции в экспорте продукции высоких технологий.

Набирает силу тенденция к переориентации финансовых и товарных потоков с модели «Азия для мира» к «Азия для Азии». Внутренний азиатский, в первую очередь — китайский, рынок становится главным источником экономического роста региона.

Как часть этого процесса, а также столкнувшись с ужесточающимся противодействием США на тихоокеанском направлении¹, Китай делает ставку на экономическую экспансию на Юго-Запад и Запад. К Индии, Ирану, Пакистану, Персидскому заливу и в направлении России и Европы. Эти два фактора толкают к формированию Центральноазиатского и затем Евразийского центров сотрудничества и развития. Для России этот процесс создает большие новые возможности, хотя и некоторые вызовы.

КНР предсказуемо замедляет темпы своего роста. Но они на ближайшие годы останутся опережающими по сравнению с остальными центрами силы. Велика вероятность того, что уже в обозримом будущем — восемь-десять лет — Китай будет по совокупной мощи становиться первой сверхдержавой мира. Он будет отставать от США по ВВП на душу населения, по размеру военного потенциала. Но авторитарная политическая система позволяет гораздо более эффективно использовать ресурсы для целей внешней политики. Нарастает «мягкая сила» Китая — через его способность предоставлять партнерам гигантские экономические ресурсы для развития, доступ на свой рынок². Подспудно, но все более очевидно

¹ Подробнее об американо-китайском взаимодействии см.: *Kissindжер Г.* О Китае. М., 2013; *Chang I.* U.S.-China Relations: Mainstream and Organic Views. 2015; *Kissinger H.* The Future of U.S.-Chinese Relations: Conflict Is a Choice, Not a Necessity // Foreign Affairs. March / April 2012; *Pickrell R.* The Tipping Point: Has the U.S.-China Relationship Passed the Point of No Return? // The National Interest. 26.10.2015; *Steinberg J., O'Hanlon M.* Strategic Reassurance and Resolve. U.S.-China relations in the Twenty-First Century. Princeton, 2014.

² Подробнее о мягкой силе Китая: *Ломанов А., Борох О.* От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. 2012. № 4; *Shambaugh D.* China's Soft-Power Push // Foreign Affairs. July/August 2015.

Китай начинает предлагать свою экономическую и политическую модель для подражания, особенно развивающимся странам. Будет расти и дипломатический опыт Пекина, его военный потенциал. То есть через несколько лет Россия может иметь на восточных границах еще более мощного соседа. Встанет вопрос об использовании этих новых возможностей и о создании условий и институтов, когда новая мощь Китая не будет восприниматься соседями, в том числе и Россией, как угроза и не будет толкать Евразию к еще одному расколу.

Достигнутое качество и количество интеграционных и межгосударственных объединений на постсоветском пространстве представляется пока оптимальным, не требующим расширения. Эти объединения — Союзное государство России и Беларуси, ЕАЭС, ОДКБ необходимо укреплять, наполнять реальным содержанием. В то же время стоит учитывать, что из-за накопленных проблем, спада экономики Россия не сможет в ближайшие годы экономически поддерживать и субсидировать союзников. Это неизбежно будет порождать центробежные тенденции в союзах и интеграционных группировках. Это — еще один аргумент (если нужны дополнительные) в пользу реформ, которые вели бы к восстановлению роста российской экономики. Частично возможное ослабление союзов можно попытаться компенсировать встраиванием их, прежде всего ЕАЭС, в совместные проекты с Китаем в рамках концепции «сопряжения» ЕАЭС и ЭПШП. В противном случае страны будут выходить во внешний мир, в том числе начинать партнерство с Китаем, с более слабых позиций и поодиночке, и это объективно будет содействовать развитию центробежных тенденций в союзах. Неочевидна полезность вновь обсуждаемой возможности диалога ЕС—ЕАЭС. Вероятно, если речь пойдет о выработке соглашений, облегчающих условия взаимной торговли, такой диалог и выгоден. Но неясно, может ли ЕС в нынешнем и перспективном состоянии выступать в качестве дееспособного партнера.

Достигнув выдающихся результатов, став примером постисторического, ненасильственного, гуманного международного порядка, весьма комфортной жизни для большинства граждан, Европа Европейского союза с середины 2000-х гг. вошла в период многоуровневого кризиса¹. Среди причин: падение конкурентоспособности большинства стран ЕС на мировых рынках; излишняя для современного мира «социальность» этого большинства Евросоюза; слишком быстрое и широкое расширение ЕС на волне эйфории 1990-х гг., усилившее культурные и экономические различия в союзе; политически мотивированное решение о создании евро без абсолютно необходимого для единой валюты общего экономического управления; решение о движении к единой внешней и оборонной политике, приведшее к политике по низшему общему знаменателю и еще более обессилившее страны Европы во внешнем мире; де-факто провалившаяся поли-

¹ Подробнее о кризисе Европы ЕС см.: Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / под ред. А. Громько и М.Г. Носова. М., 2015; *Berend I. European Crisis: Bolt from the Blue*. N.Y., 2013; *The European Union in Crisis: Explorations in Representations and Democratic Legitimacy* / ed. K. Demetriou. Cham., 2015.

тика мультикультурализма; отход элит Европы ЕС от многих традиционных европейских ценностей, в том числе христианства; усиление — в том числе благодаря этому — политического и культурного разрыва между массами и элитами; вызывающий все большее раздражение и противодействие «демократический дефицит» — передача полномочий от государств к Брюсселю. И одновременно достигнутый уровень демократии в большинстве стран Евросоюза ведет к неспособности элит принимать долгосрочные и трудные решения, к прогрессирующему ослаблению лидерства в большинстве стран. Наконец, мир вокруг Европы пошел по «неевропейскому» пути — к ренационализации, военно-политической дестабилизации, возвращению силовой политики. А инструментов воздействия на такой мир у Европы нет.

В результате в последнее десятилетие Европа ЕС все больше погружалась в свои проблемы, более или менее успешно пыталась погасить, но, как правило, не решить один кризис за другим, «замазать» ситуацию, демонстрируя, даже искусственно, жизнеспособность европроекта¹. Одно из проявлений — попытка перетянуть на свою сторону Украину. Европейские элиты до сих пор занимаются эскапизмом, не признают серьезность проблем. Кризис с беженцами 2016–2017 гг. может подрубить еще одну попытку спасти европроект — через почти безусловное немецкое лидерство.

Деградация европроекта, усиление тенденции к ренационализации в ЕС, укрепление позиций правых националистических сил (возможно, в перспективе и крайне левых) потенциально расширяет внешнеполитические возможности России, но в целом создает гораздо больше проблем². Вместо не всегда дружественного, но в целом комфортного, стабильного и богатого соседа страна может получить множественные вызовы, а в перспективе, если деградация не будет остановлена, даже и конфликтные ситуации. Усилится стремление части европейских элит максимально спрятаться под крыло уходящих США, в том числе за счет конфронтации с Россией. Турбулентность внутри ЕС сделает его еще более трудным и ненадежным партнером. Многие функции отданы на уровень Брюсселя. А он теряет свою дееспособность.

Не состоялся проект европейской безопасности, как он задумывался в Хельсинки в 1975 г. и особенно в Париже в 2000 г., когда была подписана Парижская

¹ Подробнее об оценке состояния европроекта см.: Европейский союз в XXI веке: время испытаний / под ред. О. Ю. Потемкиной. М., 2012.

² Подробнее об отношениях России и ЕС см.: *Караганов С.А.* Нет простых решений: О перспективах российско-европейских отношений // *Международная жизнь*. 2015. № 9; *Bordachev T.* Some Important Questions and Points regarding Russia's EU Strategy. 15.03.2016. URL: <http://valdaiclub.com/a/highlights/questions-and-points-regarding-russia-eu-strategy/>; *Dutkiewicz P.* Why EU's New Russia Policy Sets both on a Collision Course. 18.03.2016. URL: <http://valdaiclub.com/a/highlights/new-eu-russia-policy/>; *Suslov D.* When Common Space from Lisbon to Vladivostok is Impossible: Agenda for a New Model of Russia-EU Relations. 24.03.2016. URL: <http://valdaiclub.com/a/highlights/when-common-space-from-lisbon-to-vladivostok-is-impossible/>

хартия для новой Европы — как пространство единой и неделимой безопасности и сотрудничества. Причины: стремление западных партнеров расширить зону своего влияния и контроля на территории, считавшиеся в Москве жизненно важными с точки зрения обеспечения безопасности, нежелание учитывать интересы и обеспокоенности России, отсутствие в последние 25 лет серьезного откровенного диалога между русскими и другими европейцами, объективное расхождение ценностей, слабость России и слишком долгое стремление ее элит «понравиться» и умиротворять.

Украинский кризис, вызвавший взрыв взаимного недоверия и враждебной риторики, санкции, подвел черту под прошлыми надеждами. На Западе часть элит стремится воссоздать военно-политический раскол, структурную конфронтацию к западу от ее прежних границ, часть — восстановить провалившуюся структуру отношений 1990 — начала 2000-х гг. Первый вариант неприемлем для России и гораздо менее стабилен, чем прежний, чреват конфликтом. Второй — и политически, и интеллектуально исчерпал себя. Какие-то его элементы могут быть полезны только на период поиска новой модели отношений.

США остаются на обозримое будущее экономическим, технологическим и научным лидером мира. Программа Трампа, если ему дадут ее осуществить, может остановить деградацию американских экономических позиций в мире. Но это лидерство будет подтачиваться как структурными проблемами в американской экономике, прежде всего долгом, так и еще более — поляризацией американской политической системы, ослаблением ее эффективности, выразившейся во внешнеполитической области, в вымывании относительно реалистического центра, в резком падении компетентности и ответственности политики.

«Особость» — такая же черта американской идентичности, как стремление к суверенитету и безопасности у русских¹. Впереди у США трудный период приспособления к новой реальности, когда мир будет в растущей степени не принимать этот мессианизм и стремление к гегемонии. Вероятны новые шараханья от изоляционизма к интервенционизму или к их взрывоопасному сочетанию.

Задача международного сообщества, в том числе России, — ограничивать ущерб от этих метаний, предотвращать, в том числе через военно-политическое сдерживание, его наиболее опасные проявления, содействовать направлению энергии этой великой страны на конструктивные для нее и мира цели².

На ближайшие несколько десятилетий предсказуемо дестабилизировался огромный регион Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки. Глав-

¹ Подробнее о внешней политике США: *Ширяев Б.А.* Внешняя политика США: принципы, механизмы, методы. СПб., 2007.

² Подробнее о российско-американских отношениях: *Ладыгин Ф.И.* США — Россия: партнер или противник. М., 2014; *Шаклеина Т.А.* Россия и США в мировой политике. М., 2012; *Stent A.* The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century. Princeton, 2014.

ные причины — демографические дисбалансы, наложившиеся в последнее десятилетие на вызванный климатическими изменениями продовольственный кризис в регионе, культурно обусловленная неспособность стран региона к успешному развитию в современных условиях, помноженные на раздражение масс людей, получающих через телевидение, информационные сети картинки жизни гораздо более благополучного мира. Неудачные и безответственные военные акции Запада последних лет в Ираке, Ливии, Афганистане, поддержка им «арабской весны» резко усугубили ситуацию. Она осложняется и религиозным, и постимперским соперничеством, стремлением воссоздать халифат, Османскую или Персидскую империи. Нестабильность — в том числе результат выхода на поверхность искусственности многих границ в регионе, навязанных бывшими колониальными державами. Расширяется зона нестабильности и де-факто несостоявшихся государств, потенциал конфликтности.

Регион и близлежащие страны, если хаос будет распространяться, будут по нарастающей поставщиком вовне волн беженцев и терроризма¹. ИГИЛ следовал за Талибаном и Аль-Каидой. За ним последуют другие. Весьма вероятно, что нестабильность распространится (и уже начала) на сопредельные регионы Африки.

Особый вызов: найти адекватные пути борьбы с поднимающимися и начинающими превалять в общественном мнении значительной части исламского мира экстремистскими настроениями. Но нужно, видимо, понимать, что накопленный потенциал этого экстремизма не позволяет надеяться на его искоренение в обозримом будущем преимущественно экономическими методами или с помощью диалогов и проявлений терпимости. И уж тем более — не экспортом в регионы преобладания ислама «демократизма». Человечество столкнулось с очередной всеобщей опасностью.

Видимо, человечеству, в том числе России, придется приспособливаться жить с этим клубком проблем, пытаясь содействовать нахождению нового баланса сил в регионе, предотвращать распространение терроризма, нестабильности, радикализма на сопредельные территории и страны. Особая задача — поддержка пока относительно стабильных, но потенциально уязвимых государств, прежде всего Алжира, но и Египта, Туниса, Марокко, Иордании, Саудовской Аравии, укрепление позиций государств, потенциально способных стать источниками региональной стабильности, но пока враждующих, — Ирана и Израиля.

¹ Подробнее об угрозе терроризма см.: *Казанцев А. А.* Проблема вербовки и возврата боевиков-террористов: опыт Европы и перспективы России: Рабочая тетрадь Российского совета по международным делам № 27. М., 2016. URL: <http://russiancouncil.ru/common/upload/WP-Terrorists-27-Rus.pdf>; *The Evolution of the Global Terrorist Threat: from 9/11 to Osama bin Laden's Death* / ed. B. Hoffman and F. Reinares. N.Y., 2014.

Россия: результаты политики

Российская внешняя политика последнего десятилетия была в целом удачной. И в значительной степени, хотя и не полностью, соответствовала вызовам мира. Кроме одного — важности экономического развития¹.

Восстановлена на новом качественном уровне и пока с терпимыми затратами военная мощь. Она позволяет более эффективно отвечать на вызовы все более турбулентного и опасного мира, до известной степени компенсировать недостаточность других факторов силы — прежде всего экономической.

Удается, хотя бы и с запозданием и большой ценой, остановить экспансию западных структур и союзов на территории, которые в России считают жизненно важными с точки зрения безопасности. Продолжение этой экспансии почти с неизбежностью грозило гораздо более опасным столкновением. Россия, увидев неизбежность дальнейшего обострения отношений с Западом и убедившись в бесплодности попыток «договориться по-хорошему», в 2014 г. решила и нанесла упреждающий удар. Последовало самое жесткое с начала 1980-х гг. давление, открыто нацеленное на «смену режима», «изоляцию». Россия его пока успешно выдержала и выиграла почти по всем параметрам, даже в информационной среде, где силы неравны. Из наступления соперники перешли в оборону. Заложена основа для более здоровых и справедливых отношений, основанных на взаимном уважении интересов. На Западе начинается привыкание к необходимости учета интересов России, ее способности их жестко отстаивать. Но поиск нового баланса займет время. Напряженность будет длительной. Важно не допустить ее эскалации и структуризации, возвращения к новой, неизбежно более опасной, чем прежняя, холодной войне.

Удачная внешняя политика помогла консолидировать большую часть общества и элиты. Хотя ему не были пока предъявлены цели консолидации — стратегии развития. Началась «национализация» элит.

Удалось частично остановить и даже, возможно, повернуть вспять процессы распада постсоветского и исторического российского имперского пространства, угрожавшие усугублением конфликтности, борьбы внешних сил за влияние на нем. Конфликт на Украине — пример последствий этого распада. Создание Союзного государства России и Беларуси, ЕАЭС, усиление ОДКБ — шаги в направлении консолидации.

С запозданием, но начат и усиленно развивается экономический и частично политический поворот к поднявшейся Азии, в том числе через развитие Сибири

¹ Об итогах внешней политики России последних лет см.: *Караганов С. А.* Контуры.; *Он же.* Переломный год: предварительные итоги // *Россия в глобальной политике.* 2014. № 6; *Он же.* Однобокая держава // *Россия в глобальной политике.* 2013. № 6; *Россия и мир: 2016. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз.* М., 2015. URL: http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2015/2015_024.pdf

и Дальнего Востока¹. Российская правящая элита из периферийной европейской превращается в глобальную евроазиатскую. Что еще более усилило ее позиции в диалоге со старым Западом.

Установлены отношения дружбы и глубокого стратегического партнерства с Китаем, открывающие дополнительные возможности для развития востока страны, резко снижающие военно-политические вызовы с Востока. Удалось избежать через соглашение о сопряжении Экономического пояса Шелкового пути и ЕАЭС, казавшегося вероятным соперничества в Центральной Азии, на которое рассчитывали внешние силы.

В то же время пока у России и Китая отсутствует совместное видение мира и места их отношений в нем, «стратегическая глубина», есть неуверенность в долгосрочности сближения из-за экономической слабости России, порождающей сомнения в устойчивости ее курса.

Пока не оправдались надежды на серьезный приток инвестиций из Китая, что усилило в России позиции той части элит, которая противилась повороту на Восток и с политических, и с идеологических точек зрения, не доверяла Китаю априори. Но, может быть, не меньшая проблема на пути долгосрочного сближения — именно то, что мы назвали отсутствием стратегической глубины — долгосрочной цели соразвития. Формальный союз неприемлем ни для одной из сторон. Но куда будут развиваться отношения — параллельно с постоянными подозрениями, что партнер может в любой момент отвернуться? С постоянной необходимостью уравнивать и страховаться? Либо к созданию единого, постепенно институализирующегося, возможно, на основе ШОС с активным участием Индии, Ирана, других великих держав Евразии и, естественно, открытого для стран европейского субконтинента, сообщества Большой Евразии?²

Началось, хотя бы и с некоторым опозданием, сближение с Индией — потенциально одной из горстки великих мировых держав будущего. Пока диалог России и Индии также не отвечает по стратегической глубине потребностям и вызовам нового мира. Видимо, существуют и большие возможности углубления сотрудничества с Японией, здесь сдвиги начались, и с Южной Кореей.

В результате Россия имеет неплохое геополитическое положение. В отличие от СССР, которому противостоял Запад по всему миру и Китай на Востоке, Россия сталкивается с неизбежным, но в перспективе уменьшающим остроту противостоянием только на Западе. Естественно, если не произойдет провоци-

¹ О повороте России на Восток см.: Поворот на Восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России / под ред. И.А. Макарова. М., 2016.

² Подробнее о «создании» Центральной Евразии и затем Большой Евразии см.: К Великому океану — 3: Создание Центральной Евразии. Экономический пояс Шелкового пути и приоритеты совместного развития евразийских государств: Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / под ред. С.А. Караганова. М., 2015. URL: <http://karaganov.ru/content/images/uploaded/7c15ceac311a5c93201dcb2a3c851be4.pdf>

рующего обострения ситуации и прямого столкновения. И если Россия начнет выходить из стагнационного отсутствия экономической политики, провоцирующего внешнее давление в надежде добиться ее дальнейшего ослабления и смены режима и/или отказа от самостоятельной политики.

По сравнению с поздним СССР и ранней Россией лучше и морально-политическое состояние российского общества. На смену безверию и умиравшей коммунистической идеологии 1980-х гг. и ситуации 1990-х гг., когда реформы оказались во многом неудачными, а революционное меньшинство навязывало, как потом оказалось, нежизнеспособные в России «либеральные» ценности большинству, пришли патриотизм, государственный национализм и более или менее нормальные традиционные ценности, которые готовы поддерживать подавляющее большинство населения и большинство элиты. Эти же ценности разделяет большинство человечества, и, возможно, они начали контрреволюционное возвращение в западный мир, чья элита пыталась их отринуть.

Частично ухудшилась ситуация на юге из-за долговременной дестабилизации Ближнего и Среднего Востока. Но Россия относительно лучше других стран подготовилась к такому развитию событий. И может выступать поставщиком относительной стабильности и безопасности для соседних регионов и международного сообщества в целом. Что она, пока в целом успешно, пытается делать в Сирии, уничтожая террористов, предотвращая дальнейшую дестабилизацию в случае попыток региональных держав добиться гегемонии, экспансию экстремизма и терроризма, завоевания ими новых плацдармов. Активная политика на Ближнем Востоке вкупе с твердой политикой в европейско-украинском кризисе укрепили роль России как одной из ведущих великих держав.

Были и внешнеполитические неудачи.

Не только по объективным причинам — несовпадение векторов развития, стремления Запада к навязыванию своих правил и модели развития, экспансии своих союзов, но и по субъективным — из-за российской слабости и иллюзий до второй половины 2000-х гг. возможности добиться уступками уважения своих интересов, стремления «понравиться» не удалось выстроить взаимовыгодные и, значит, стабильные отношения в Европе, жизнеспособную систему европейской безопасности¹.

Не удалось предотвратить братоубийственный конфликт на Украине. В его основе — недееспособность украинских элит, приведшая к экономической и социальной деградации Украины по сравнению практически со всеми постсоветскими странами, политика Запада по экспансии зоны своего влияния и контроля, по недопущению сближения Украины и России, стремление значительной части украинского общества к максимальному отделению от России. Но и российская политика несет долю ответственности. Она либо отсутствовала, либо сводилась к безнадежной попытке «купить» эту элиту через разворывавшиеся

¹ *Караганов С.А.* Европа: поражение из рук победы? // Россия в глобальной политике. 2015. № 1.

энергетические субсидии. Не учитывалась запретительная цена «возврата» полуразрушенной за последние четверть века страны. Результат — война на Украине и дальнейшая ее деградация либо в сторону ультранационалистической диктатуры, либо, что более вероятно, в сторону дальнейшей дезинтеграции.

Украина неизбежно на долгие годы останется фактором, осложняющим конструктивные отношения с Европой, источником «черных лебедей» — непредсказуемых вызовов, кризисов и провокаций. Наконец — важнейшая опасность украинской ситуации: отвлечение ресурсов — политических, интеллектуальных, управленческих, экономических — на безвыигрышную и безысходную ситуацию. Отвлечение России и частично других стран Европы от более продуктивной политики, видимо, также стояло и стоит за усилиями внешних сил, содействовавших разжиганию кризиса.

Недостаточно активно обеспечивается экономико-политический поворот на Восток. Полудремель, хотя и расширился, ШОС, медленно реализуются договоренности по «сопряжению» ЭПШП и ЕАЭС¹. Мешают объективные обстоятельства — отвлекают кризисы на Западе и на Юге. Но и унаследованная от прошлых веков, а ныне остаточная устаревшая европо- или западнотрицентричность многих российских элит.

Существует и опасность — пока потенциальная, уменьшившаяся после удачного второго сирийского «гамбита» — вывода части российского контингента из Сирии², длительного и глубокого втягивания России в безысходный клубок ближневосточных проблем, в войну если не по афганскому, то по сценарию Крымской войны 1853–1856 гг. Внешние силы, стремящиеся подорвать позиции России, будут втягивать нашу страну в конфликты. Огромна вероятность различного рода провокаций.

Среди важнейших проблем современной России — ее относительная нацеленность в прошлое. После, как теперь стало очевидно, обреченной постреволюционной попытки встроиться в Запад или в фарватер его политики, стремления отринуть и советское, и русское имперское внешнеполитическое наследие Россия находится в процессе восстановления традиций, но и нового отрицания. На этот раз — неудачной политики первых постреволюционных лет — 1990-х гг. Хотя и в эти годы были достижения: сохранение ядерного потенциала — основы национальной и международной безопасности, хотя бы формального статуса великой державы, дипломатической школы, был приобретен, хоть порой и большой ценой, огромный опыт, послуживший основой нынешней сверхреалистической политики. Первые десять-пятнадцать лет новой России показали и выгоды поддержания приличных отношений с большинством ведущих держав. Нам не помогали, но не слишком активно мешали, не пытались «добить».

¹ Подробнее см.: *Бордачев Т.В.* Новое евразийство // Россия в глобальной политике. 14.10.2015.

² Первым «гамбитом» была договоренность об уничтожении сирийского арсенала химического оружия.

Одновременно Москва находится в поиске адекватного ответа на реалии сегодняшнего и будущего мира. Динамизм изменения политики высок. Но пока в ней все-таки, похоже, преобладают необходимые отрицание и восстановление, чем еще более насущная устремленность в будущее.

Российская внешняя политика, как и общество, находятся не только в процессе быстрых и постоянных изменений, но и самопознания — возвращения на новом уровне к традиционным ценностям своей внешней политики, да и политики вообще. Главная из них — безусловное обеспечение суверенитета и безопасности. В последние триста лет к ним прибавилась в результате петровских и екатерининских реформ и истории блистательных побед XVIII и XIX вв. еще одна — великодержавие. Эти ценности нужно принимать как данность. Даже если за их воплощение и обеспечение приходилось дорого платить. Попытка отказаться от них в конце 1980-х и в 1990-х гг. была безуспешной и ни к чему, кроме потерь и отторжения большинством общества, не привела.

Но главное — нацеленность в будущее. Во внешнеполитической сфере — это, видимо, недопущение возвращения структурированной конфронтации в Европе, поддержание международной стратегической стабильности, недопущение скольжения мира к кажущейся более вероятной, чем когда бы то ни было за последние пятьдесят лет, большой войне¹.

И не менее важная конструктивная цель — целенаправленное строительство вместе с Китаем, Индией, Ираном, другими странами сообщества сотрудничества, развития и безопасности Большой Евразии, открытого для мира и служащего одной из его главных несущих основ².

¹ Лавров С. В. Историческая перспектива внешней политики России // Россия в глобальной политике. 2016. № 2.

² Подробно о концепции Большой Евразии см.: Караганов С. А. От поворота на Восток к Большой Евразии // Международная жизнь. 2017. Май.

А. В. Лукин

ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ МИР: РОЖДЕНИЕ НОВОГО МИРОПОРЯДКА ИЛИ ПОГРУЖЕНИЕ В ХАОС?

На рубеже XX и XXI вв. мир вступил в новый период своего развития. Привычная биполярная система, господствовавшая после Второй мировой войны, рухнула в результате саморазрушения одного из полюсов. Можно долго рассуждать о том, почему это произошло, но ясно одно: советский коммунистический проект не выдержал конкуренции и распался. По сути, сама советская идеология загнала себя в угол. Будучи порождением западной секулярно-просвещенческой традиции, она унаследовала от этой последней идею технического прогресса и удовлетворения материальных потребностей населения. Но советская идеология утверждала, что более быстрый прогресс будет достигнут не за счет роста самоуправления, уважения личных прав и частной собственности, а путем концентрации ресурсов государством, обобществления собственности и справедливого распределения. Этот проект оказался экономически крайне неэффективен. Кроме того, СССР проводил политику, основанную на идеологической цели — добиться распространения собственной системы на максимальное количество государств, а в перспективе — на весь мир. Это привело к растрате значительных, но безграничных ресурсов и углубило экономические проблемы.

У биполярной системы были свои преимущества и недостатки. Контроль двух центров силы над значительными территориями и определение ими правил игры в мировой политике приводили время от времени к конфликтам на нейтральном пространстве, а практически любая вспышка локального характера в «третьем мире» превращалась в противостояние двух основных полюсов, так как оба центра начинали поддерживать противостоящие друг другу силы. Кроме того, жители государств и территорий, находящихся под контролем советского центра, жили в условиях крайней несвободы и социальной ненормальности тоталитаризма.

В то же время все эти конфликты не шли ни в какое сравнение с ужасами мировых войн. Международные правила, писанные и неписанные, все же существовали, и СССР и Запад демонстрировали способность о них договариваться